

Николай Добролюбов

**Стихотворения А.
Полежаева**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения А. Полежаева

«...Кому не случалось встречать молодых людей, хранивших размашисто переписанные тетрадки с непечатными стихами Полежаева? Эти юноши восхищаются темной стороной Полежаева, забывая или не зная о его истинных достоинствах. Обвинять ли их за это, считать ли людьми пустыми, ничтожными, неспособными возвыситься над грубыми животными побуждениями? Едва ли справедливо будет такое обвинение; по крайней мере мы никогда не решимся произнести его. Иначе мы должны были бы осудить на ничтожество самого Полежаева, который, конечно, более всего должен подвергаться ответственности за свои стихи. Нет, заблуждение еще не порок, одностороннее развитие – не преступление...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения А. Полежаева**

*с портретом автора и статьею о его
сочинениях, писанною В. Белинским.
Издание К. Солдатенкова и Н. Щепки-
на. Москва. 1857.*

Полежаев пользуется у нас довольно печальной известностью в кружке тех читателей, которые доселе продолжают читать его. Кому не случалось встречать молодых людей, хранивших размахисто переписанные тетрадки с непечатными стихами Полежаева? Эти юноши восхищаются темной стороной Полежаева[1], забывая или не зная о его истинных достоинствах. Обвинять ли их за это, считать ли людьми пустыми, ничтожными, неспособными возвыситься над грубыми животными побуждениями? Едва ли справедливо будет такое обвинение; по крайней мере мы никогда не решимся произнести его. Иначе мы должны были бы осудить на ничтожество самого Полежаева, который, конечно, более всего должен подвергаться ответственности за свои стихи. Нет, заблуждение еще не порок, одностороннее развитие – не преступление. Оно всегда есть прямое, неизбежное следствие тех обстоятельств, среди которых суждено человеку жить и развиваться. Можно жалеть о человеке, для которого обстоятельства сложились дурно, можно горько задуматься о той жизненной обстановке, кото-

рая может губить лучшие силы души, направляя их к злу и пороку. Но напрасно было бы обвинять самого человека в ошибочном направлении, какое принимает его деятельность под влиянием враждебных обстоятельств. По нашему мнению, только тот заслуживает полного презрения, кто совсем не обнаруживает никакой деятельности, оставаясь во всю свою жизнь существом совершенно пассивным. Такие существа, действительно, не заслуживают никакого участия и могут быть заклеены названием людей неспособных, негодных, ничтожных, унижающих свое человеческое достоинство. От них ничего нельзя ожидать, как бы ни были благоприятны окружающие их обстоятельства. Получивши раз толчок от внешней силы, они безмятежно и ровно, по силе инерции, движутся в одном, данном им направлении. Они часто достигают предположенной цели весьма удачно, переходя от переписки бумаг к их подписыванию, от первого места на школьной скамье к наставнической кафедре, и пр. Но со всем тем трудно удерживать в себе порыв презрения и даже негодования против

этих людей, которых все нравственное достоинство заключалось в умеренности, аккуратности и терпимости и которых труды, бессмысленные и мертвые, могут быть с гораздо большим успехом исполняемы хорошо машиною. Отрекаясь от своей самостоятельности, делаясь орудием чужой силы, такие люди сами становятся в разряд низших существ, сами отказываются от общего братства людского и добровольно вызывают на себя презрение даже тех, которые пользуются их услугами. Подвиг высокой доблести и самая отвратительная низость с одинаковым хладнокровием и аккуратностью совершаются пассивными натурами, как скоро дан им внешний толчок, приводящий их в движение. Тут уже не может быть заблуждений, борьбы, страданий, падения... Тут, собственно говоря, нет и вины, как нет заслуги... Но тяжкая вина пред судом общества и истории – лениво зарыть в землю свой талант, попать свое достоинство, рутиной и бездействием убивши силы, данные от природы... Зато и общество попирает ногами таких ленивцев. Зато и история эти натуры обходит презрительным

молчанием.

Не такова судьба тех несчастных, но все-таки сравнительно высших натур, которые, чуя в себе родник живых сил души, хотят непременно пробиться с ним сквозь кору житейских дрязг, общественных несправедливостей и людских предрассудков. Течение их жизни бывает бурно и мутно, часто губительно; нередко они теряются на дороге, если сверху сушит их солнечный зной, а внизу поглощает сожженная, рассыпчатая почва; во всяком случае, их отдельная струя пропадает в общем океане истории человечества. Но все же это – движение, жизнь, а не болотный застой. В болоте погибнуть так же легко, как и в море; но если море привлекательно-опасно, то болото опасно-отвратительно. Лучше потерпеть кораблекрушение, чем увязнуть в тине. Моралисты обыкновенно люди сонные, их можно разбудить только грозой. При сильном ударе грома они просыпаются, торопливо спрашивают: «Что случилось?» – и потом начинают кричать об ударе рока, постигшем одного человека, убитого громом. А перед их глазами, возле них сотни и тысячи человек

падают от изнеможения, задыхаются, гибнут без шума и следа; этого они не замечают, а если и замечают, то находят, что это совершенно в порядке вещей.

Все эти мысли невольно приходят в голову после прочтения маленькой книжки стихов Полежаева и статьи о нем, написанной Белинским[2]. С обычной своей пронизательностью и силой выражает Белинский характер поэзии Полежаева и отношение ее к его жизни. Но у него есть одна фраза, которая может подать повод к ложному толкованию. «Полежаев не был жертвою судьбы, – говорит Белинский, – и, кроме самого себя, никого не имел права обвинять в своей гибели». Мы уже сказали, что, по нашему мнению, именно себя-то он и не мог обвинять.

Пострадал ли Полежаев от судьбы, странно враждебной всем лучшим поэтам нашим, можно видеть при внимательном взгляде на его портрет, который приложен к нынешнему изданию его сочинений[3].

Повесть эта немногосложна, но из нее видно, что Полежаев принадлежал к числу натур деятельных, для которых лучше падение в

борьбе, нежели страдательное отречение от всякой личности и самостоятельности. Начало его жизни было лучше, чем ее продолжение, как это заметно из частых сожалений поэта о потерянных годах, как видно из его задушевных воззваний к прежнему времени:

*Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось из очей!..[4]*

Но и это время, о котором он вспоминал потом с грустным сожалением, не было продолжительно, так что он и не успел им воспользоваться как следует. Двадцатилетний юноша, увлекся он, как и все увлекаются в двадцать лет, страстностью своей природы и пылкостью молодой крови; только его увлечение выразилось ярче, было сильнее, бурнее, чем бывает у других, и к этому-то времени студенчества в Московском университете относится первая, непечатная известность

Полежаева. Перед концом жизни он так вспоминал об этом бурном периоде своей жизни:

*Я подвиг жизни совершил
И юных лет фиал безвкусный,
Надолго памятный, – разбил!
Давно ли я в оргиях шумных
Ничтожность мира забывал
И в кликах радости безумных
Безумство счастьем называл!
Тогда, вдали от глаз невежды
Или фанатика-глупца,
Я сердцу милые надежды
Питал с улыбкой мудреца,
И счастлив был! Самозабвенье
Таилось в бездне пустоты...
..... [5]*

Если бы мы захотели, мы могли бы найти у Полежаева много подобных признаний, доказывающих, что он был человек не вроде поручика Пирогова[6] и что порыв, увлекавший его к наслаждениям чувственности, скоро сменился бы другим, более благородным увлечением. Он уже начинал, кажется, этот поворот жизни, когда над ним разразился новый удар судьбы и

*Мир души погрела
К шумной воле любовь...[7]*

Из молодого, разгульного кружка своих товарищей внезапно попал Полежаев в другой круг – гораздо более грубый, порочный и невежественный, в котором смотрели на поэта как на преступника и негодяя. Он не хотел и не мог подчиниться тому, чему легко подчинялись другие, а его заставляли подчиняться.

*Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье[8],*

и Полежаев ожесточился против людей и судьбы. Сначала у него еще оставался какой-то гений, которого он не называет ни добрым, ни злым, но который обещал ему свое покровительство, а потом забыл его... Полежаев с доверчивостью ждал его помощи, и надежда на этого гения поддерживала его в постоянной борьбе с обстоятельствами. Утомляясь борьбою, он восклицал:

Давно могучий ветер носит

Меня вдали от берегов;
Давно душа покоя просит
У благодетельных богов.
Казалось, теплые молитвы
Уже достигли к небесам,
И я, как жрец, на поле битвы
Курил мой светлый фимиам,
И благодетельное слово
В устах правдивого судьи,
Казалось, было уж готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживал; но ты, мой гений,
Исчез, забыл меня, и я
Теперь один в цепи творений
Пью грустно воздух бытия...
Темнеет ночь, гроза бушует,
Несется быстро мой челнок, —
Душа кипит, душа тоскует,
И, мнится, снова торжествует
Над бедным плователем рок...[9]

Несмотря на эти минуты сомнения и тоски душевной, долго еще крепился бедный поэт и гордо сражался с гнетущей его судьбой:

Увы, давно печален, равнодушен,
Он привыкал к лихой своей судьбе:
Неистовый, безжалостный к себе,
Презрел ее в отчаянной борьбе

*И гордо был несчастью послушен
[10].*

Стремление к самостоятельной жизни развилось в нем еще больше среди несчастий и стеснений, и в то время, как челнок его уже тонул, он еще находил в себе силы петь эту песнь погибающего пловца:

*Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы
С юных лет,
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег.
На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой,
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал...[11]*

Таким открытым выражением энергии и силы смелого бойца отличаются стихотворения Полежаева до того времени, когда является в них упоминание о заключении и болезни. Известно, что в последнее время своей жизни Полежаев страдал чахоткой и умер в больнице, получив в минуты предсмертного томления офицерский чин. Это последнее время тяжелой жизни вызвало у поэта несколько отчаянных, ожесточенных стихотворений. Он изнурен был битвою жизни, гений его не являлся к нему на помощь, усилия его свергнуть с себя гнетущее иго судьбы оказывались бесплодными, – и одно отчаянное, страшное презрение к жизни осталось в душе поэта. Ужасные звуки нашел он в себе для выражения силы своего отчаяния:

*Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день!
Порою огонь души унылой
Воспламеняется во мне:
С снедающей меня могилой
Борюсь, как будто бы во сне;
Стремлюсь, в жару ожесточенья,*

*Мои оковы раздробить
И жажду сладостного мщенья
Живую кровью утолить.
Как раб испуганный, бездушный,
Клянусь свой жребий я тогда
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда[12].*

Эта жизнь позора и стыда могла бы быть жизнью славы и величия. Человек, нашедший такие звуки для выражения отчаяния, умел бы проникнуться какими угодно возвышенными чувствами и найти для них выражение в слове и в деле. При другой жизненной обстановке не погиб бы этот энергичский талант жертвою неравной и бесплодной борьбы. Не звуки проклятий и злобы, а роскошные звуки чистых, спокойных стремлений мог бы он завещать миру, потому что, кроме чрезвычайной силы, талант Полежаева отличается еще необыкновенной страстностью и стремительностью. Она-то и увлекает пылких юношей в непечатных стихотворениях Полежаева. Мы не виним их за это в пустоте и ничтожности: можно [этим] увлекаться и не будучи ничтожным человеком. Но мы глу-

боко и тяжело должны сожалеть о той среде, которая не представляет ничего лучшего для увлечения молодых людей, мы должны грустно, безотрадно задуматься о тех преданиях, которыми передаются, как драгоценное наследие из поколения в поколение, грязные произведения поэтов, сбитых с чистого пути и столкнутых в вонючую лужу. Не один Полежаев погиб у нас в этой мрачной и душной среде, под влиянием этих развратных преданий, поддерживаемых застоём общественной жизни. Грустное раздумье одолевает всегда при воспоминании о гибели деятельной натуры. Напрасно стараешься успокоить себя тем, что гибель эта не бесплодна, что она была необходима по законам истории. Все-таки остается в душе неотвязный вопрос, так поэтически выраженный Полежаевым:

*Но зачем же вы убиты,
Силы мощные души?
Или были вы сокрыты
Для бездействия в тиши?
Или не было вам воли
В этой пламенной груди,
Как в широком, чистом поле*

Пышным цветом расцвести?..[13]

Комментарии

Подразумевается ранняя поэма Полежаева «Сашка» (1825–1826). Под «темной стороной» Полежаева Добролюбов имеет в виду фривольно-эротические мотивы этой поэмы.

[^^^]

В издании «Стихотворений Полежаева» 1857 г. была перепечатана с некоторыми сокращениями статья В. Г. Белинского, впервые опубликованная в «Отечественных записках» в 1842 г. (кн. V, отд. «Критика»).

[^^^]

В книге был помещен портрет поэта в солдатской форме. Упоминая об этом портрете, Добролюбов прозрачно намекал на то, что причиной гибели поэта явилось решение Николая I, отдавшего студента Полежаева в солдаты.

[^^^]

Цитируется стихотворение Полежаева «Негодование» (1834).

[^^^]

Цитата из стихотворного письма Полежаева к А. П. Лозовскому (декабрь 1837 г.); в издании 1857 г. озаглавлено «Чахотка».

[^^^]

6

Поручик Пирогов – персонаж повести Гоголя «Невский проспект».

[^^^]

Строки из стихотворения Полежаева «Вечерняя заря» (между 1826–1828).

[^^^]

Из стихотворения «Провидение» (между
1826–1828).

[^^^]

Из стихотворения «К моему гению» (1836).

[^^^]

Из стихотворения «Черные глаза» (1834).

[^^^]

Из «Песни погибающего пловца» (1832).

[^^^]

Из стихотворения «Цепи» (между 1826–1828).

[^^^]

Из стихотворения «Тоска» (1837).

[^^^]